

ВВЕДЕНИЕ

Восточная Пруссия в 1945 году стала объектом территориальных преобразований и должна была исполнить неблагоприятную роль компенсации Польше и Советскому Союзу. Во время Второй мировой войны США, Великобритания и СССР решили, что эту провинцию Германии следует разделить и ликвидировать. Три части бывшей Восточной Пруссии стали интегрироваться в социалистическую Польшу, советскую Россию и советскую Литву, и с 1945 г. в них параллельно происходило множество разных по содержанию, но похожих по форме процессов. Наиболее важным из них был процесс заселения этих территорий новоселами, которых мало что связывало с их новым пространством проживания, присутствовавшими на нем материальными реликтами и старожилами (а их осталось сравнительно немного). Преобладающая реакция новоселов (которая все же не была единственной) проявлялась в отсутствии интереса к своеобразию заселенного ими пространства. Это пространство часто не осознавалось и даже отклонялось, на что влияли еще и антинемецкие пропагандистские установки.

С другой стороны, такая реакция на пространство в официальном дискурсе и среди переселенцев была лишь первичной. В колонии, на территории которой интенсивные миграционные процессы постепенно уступали место утверждению новоселов, происходило укоренение, возникали элементы осознания и отождествления с бывшим Восточно-Прусским ландшафтом, выросло несколько новых поколений, имеющих единственную родину, связанную с бывшей Восточной Пруссией. Отождествлению с ней весьма сопутствовал факт, что, несмотря на отсутствие среди переселенцев личного опыта на этом пространстве и личного отношения к нему, своеобразное отношение с пространствами бывшей Восточной Пруссии было создано в рамках культур (систем значений). Значения региона Восточной Пруссии, которые в начале XX столетия преобладали в России, для создания преемственности в Калининградской области после войны не подходили. Однако четкие связи с довоенным периодом полякам и литовцам позволяло строить существование в Восточной Пруссии польскоязычных и литовскоязычных регионов, которые в рамках польской и литовской национальных культур в начале XX столетия получили роль «наших» воображаемых пространств (Вармии, Мазурии, Малой Литвы) и ирредент. Вармия и Мазурия после войны интегрировалась в Польшу не как часть Восточной Пруссии, а как часть «Возвращенных земель» (которые еще назывались «Западными и Северными землями»), при этом ясно выстраивая связи с образами, уже существовавшими в польской национальной культуре. Равным образом интеграцию Клайпедского края в Литву облегчал тот факт, что еще задолго до Второй мировой войны в литовской культуре и политике Литвы были созданы определенные значения, которые после войны можно было использовать, формируя и поддерживая свойство региона в литовской культуре.

Благоприятным условиям для присвоения во всех трех случаях – польском, литовском и Калининградской области – содействовала возможность активно и безгранично применять антинемецкие установки. Превратить их в политический инструмент и обострить до максимума позволял часто недооцениваемый факт, что все три части бывшей Восточной Пруссии после войны оказались в сфере влияния СССР, а это означало пребывание в сфере победителя войны и одного из двух основных участников послевоенной геополитической арены. Не что иное как именно существование Западного и Восточного блоков и нахождение при этом в охраняемом Москвой Восточном блоке, на протяжении всего послевоенного периода позволяло применять разные способы для интеграции бывшей Восточной Пруссии и при этом не

обращать внимания на возможную реакцию члена противоположенного блока – Германии. Не менее важной в течении процессов присвоения была позиция «социалистических» режимов в Москве, Вильнюсе и в Варшаве заниматься поисками легитимации в элементах национальных культур, приспособлявая их к советской идеологии. Особенно в Польше и в Литве эта позиция позволила футуристскую и навязывавшую «дружбу народов» советскую идеологию дополнить элементами национальных культур и национального прошлого¹. Все это способствовало весьма эффективному, но позволившему добиться в разных частях Восточной Пруссии неодинаковых результатов, «превращению» Восточной Пруссии в новые пространства, которое, прежде всего, происходило на уровне культурных символов и образов.

Это имело существенное значение. Границы провинции Восточная Пруссия, а также ее бывших округов и уездов после войны были упразднены, а их пространства помещены в новые административные образования – Белостокское, Ольштынское, Гданьское воеводства Польши, Калининградскую область Российской СФСР, Клайпедский, Шилутский, Юрбаркский и прочие районы Литовской ССР – все их границы с бывшими границами Восточной Пруссии не имели практически ничего общего. Это было проявлением сознательно проводимой политики «растворения» Восточной Пруссии, которая проявлялась и по отношению к ментальным, культурным образам. Поисками следов культуры и деятельности поляков в прошлом Вармии и Мазурии перемещенный в Ольштын в 1945 г. Мазурский институт (*Instytut Mazurski*) занимался, не стремясь показать исключительность этих регионов, а стремясь обосновать их польскость, утвердить понятие, что они являются такими же польскими, как и остальная Польша. Интеграция Калининградской области в Россию и в СССР на ментальном уровне после войны также происходила с помощью попыток утвердить восприятие ее типичности и даже выявить в прошлом области какие-то связи с Россией и деятельностью рабочего движения, а периферийность области преодолеть идеологемой «самого западного форпоста». Также и в Литве культурные образы, связанные с Малой Литвой, после войны поддерживались в соответствии со стремлением обосновать не исключительность этого региона, а его важность для *общей* литовской культуры. Литовцы Малой Литвы бескомпромиссно воспринимались в качестве части литовского народа, жившей на своей территории на правах автохтонов, следовательно, Малая Литва должна была «раствориться» в литовской национальной культуре, став ее интегральной частью.

С другой стороны, со временем не типичность, а специфичность регионов стала объектом интереса. Ресурсом для ощущения их своеобразия на всей территории бывшей Восточной Пруссии, в конце концов, стало своеобразное материальное наследие Восточной Пруссии. В первую очередь такую роль оно получило в польской части. Уже в 1950-х гг., следуя утвержденному в 1951 г. плану, началось восстановление разрушенных в 1945 г. фрагментов старого города Ольштына. Правда, в большинстве случаев это были новые постройки, своими объемами и стилистикой приспособленные к бывшей застройке; т. е. здания, зачастую спроектированные как несоответствующие высоте и пропорциям прежней архитектуры, но выдерживая масштабы, характерные для старого города. Интересно, что в фасадах этих зданий преобладали аллюзии на стиль барокко, т. е. на эпоху, когда Вармия принадлежала Польше. Кроме того, вновь построенные здания декорировались народными мотивами, портретами личностей, свя-

¹ В контексте Польши этот вопрос исчерпывающе раскрыт Мартином Зарембой. См.: ZAREMBA, M. *Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm: nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce*. Warszawa, 2001. Недавно был опубликован перевод на немецкий язык: ZAREMBA, M. *Im nationalen Gewande: Strategien kommunistischer Herrschaftslegitimation in Polen 1944-1980* (Klio in Polen, Bd. 14). Osnabrück, 2011.

занных в Польше с Вармией². Это как бы подтверждает, что значения, связанные с Вармией и Мазурией, позволили полякам достаточно легко присвоить сохранившееся наследие (Музей Мазурии в 1945 г. был основан не в каком-нибудь другом месте, а в бывшем замке Варминской капитулы в Ольштыне). В те же места, где такое наследие не сохранилось, на восстановление старых городов, замков, костелов эти значения позволили направить довольно мощные и националистически настроенные усилия учреждений по охране памятников Польши. Такое восстановление проявлялось в весьма различных формах – от скрупулезной реставрации отдельных объектов до стилизованного воссоздания (как в Ольштыне) или строительства совершенно новых комплексов, названных старыми городами, крайним примером которого следует считать начатое в 1980-е гг. строительство старого города в Ельблонге. На территории Калининградской области и бывшего Клайпедского края долгое время подобное было просто невообразимо, и прежде всего потому, что после войны учреждений по охране памятников, способных профессионально аргументировать необходимость взяться за восстановительные работы, там не существовало, не говоря уж о националистически настроенных учреждениях по охране памятников. И, невзирая на факт, что в Литве иначе, нежели в Калининградской области, связи с довоенным прошлым Клайпеды не были разорваны, наследие в Клайпедке не стало тем, чем оно стало, например, в Гданьске еще и потому, что потери, связанные с войной, по сравнению с Гданьском здесь были гораздо незначительнее, да и архитектурные традиции, проявлявшиеся в Клайпедке после войны, были отнюдь не национальными.

Все же в 1960-е – 1970-е гг. отношение к материальному наследию менялось как в Клайпедке, так и в Калининграде. Попытки архитекторов и представителей интеллигенции в 1960-е гг. сохранить остатки Королевского замка в Калининграде³ (в 1967–1968 гг. они все же были взорваны) и приостановление санирования старой части города в Клайпедке в конце 1960-х можно оценивать как явления параллельные. Они возникли благодаря сплотившимся в данных городах группам людей, которых уже не удовлетворяло восприятие городов в контексте СССР (через всесоюзный патриотизм) и (или) Литвы (через связи с этнолингвистическим образом определенной национальной культуры). Необходимость конструирования связей с самим городом способствовала обращению к своеобразию этих городов, а его репрезентацией, прежде всего, могло стать материальное наследие. В Клайпедке часть этого наследия дождалась регенерации, превращения ее в ресурс для поддержания чувства своеобразия города. В Калининграде же материальное наследие в 1970-е – 1980-е гг. все более становилось ресурсом, позволявшим осознавать старинность города, который позволял местным энтузиастам поддерживать альтернативу официальному дискурсу.

Следовательно, складывалась парадоксальная ситуация – официально Восточная Пруссия и ее границы не существовали, но многое из того, на что могло опираться сознание новоселов в пространствах, изолированных в рамках национального / советского дискурса, так или иначе выводило на специфику, связанную с Восточной Пруссией. Причины такого явления, вероятно, следует искать не в механической смене поколений, а в качественной смене мировоззрения поколений. Стремление поддерживать своеобразие могло поощряться не основанными на принципах коллективизма желаниями выглядеть и быть «такими же,

² Сравни: LEWANDOWSKA, I. Oswajanie dóbr kultury, architektury i nazewnictwa a procesy integracji społecznej na Warmii i Mazurach po II wojnie światowej. In *Polacy na ziemiach odzyskanych. Regiony przygraniczne w poszukiwaniu tożsamości: przed i po akcesji*. Red. A. MAKOWSKI. Szczecin, 2008, s. 102-103.

³ См. НОПЕ, В. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946-1970* (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd. 80). München, 2000, S. 128-147.

как все», а на принципах индивидуализма основанными и поощренными инвазией потребительского поведения стремлениями выделиться, демонстрируя, что «у нас есть то, чего нет у других». При развитии таких тенденций, особенно в Вармии и Мазурии и в Клайпедском крае, хоть великие нарративы и значения национальной культуры все еще исполняли роль регулирования взаимосвязей смыслов, общей (но не преобладающей) тенденцией еще в 1970-е – 1980-е гг. стали поиски связей с отдельными объектами многообразного наследия Восточной Пруссии – как материального, так и нематериального. Иными словами, не интегрирующие значения национальных культур / всесоюзного патриотизма, в соответствующих частях Восточной Пруссии связанные с Вармией, Мазурией, Малой Литвой, Калининградской областью, а региональная специфика стала объектом все повышающегося интереса.

На переломе 1980-х – 1990-х гг. ослабление влияния Москвы на блок стран реального социализма способствовало гравитации в сторону Западной культуры и демократизации общественного дискурса. Пример Калининграда наиболее ярко показывает, что при такой трансформации специфика официально исчезнувшей Восточной Пруссии, способствовавшая ощущению своеобразия, стала фактором, оказывающим политическое влияние. Познание «немецкого» культурного наследия и его открытие для Западного мира в Калининградской области оказало сильное воздействие на ощущение региональной исключительности, которое, естественно, поощрялось и пребыванием в полуклассовом положении. В Польше такая региональная исключительность была воплощена при проведении в 1999 г. реформы воеводств, в ходе которой было создано новое Варминьско-Мазурское воеводство, пользующееся правами самоуправления. Границы воеводства, по сути, точь-в-точь повторяют границы бывшей Восточной Пруссии (которые для поляков, естественно, прежде всего являются границами исторических регионов Вармии и Мазурии). В Литве историческое своеобразие Клайпедского края до сих пор никак не отмечено, но это только подтверждает, что отождествление с региональной семантикой Малой Литвы в Клайпедке гегемонизированно, но не является преобладающим; следовательно, имеет много альтернатив. С другой стороны, общественные группы, которые в современной Литве все еще поддерживают литуанизированное восприятие «Малой Литвы», проецируют это пространство не только (и, прежде всего, не) на территорию Клайпедского края⁴. Несмотря на это, ощущение своеобразия в Клайпедке так же велико, как и в других частях бывшей Восточной Пруссии, и наследие прошлого в этом играет существенную роль. Никого не удивляющие празднования городов, основанных Тевтонским орденом (на торжествах, посвященных 750-летию Клайпеды в 2002 г., был приглашен даже великий магистр все еще существующего Тевтонского ордена), пристальное внимание к знакам своеобразного и другого наследия в ландшафте, реставрация исторических зданий и даже их воссоздание характерны для всего пространства бывшей Восточной Пруссии.

Именно этому многообразному явлению присвоения пространства, т. е., иными словами, явлению превращения пространства в свое, посвящается настоящий сборник статей. Появление книги предопределено двумя обстоятельствами. Первое – это сочетание регионалистики с исследованиями «чтения» содержания значений пространств, которые в последние десятилетия стали все более интенсивными. Такие исследования основываются на предпосылке, что присвоение значения пространству или его репрезентирующим символам позволяет людям овладевать этим пространством в воображении. Такие исследования анализируют, какие значения и по каким причинам придаются в обществе заселенному им

⁴ Об этом смотри: SAFRONOVAS, V. Apie istorinio regiono virsmą vaizduotės regionu. *Mažosios Lietuvos pavyzdys. Istorija*, 2012, t. LXXXVI, p. 66–80.

пространству, и, в особенности, реликтам прошлого на этом пространстве; каким образом, присваивая такие значения, пространства в культурах превращаются в свои. На примере Восточной Пруссии это неоднократно продемонстрировал Роберт Траба⁵, чья статья, публикуемая в вводном разделе данной книги, изображает преобладавшие в межвоенный период практики «чтения» этого пространства. Р. Траба выявляет присвоение пространству своеобразных значений, прежде всего, в немецкой системе значений.

Однако Восточная Пруссия является одним из таких пространств Центрально-Восточной Европы, которое, географически когда-то составлявшее совокупность, было и все еще является местом столкновения нескольких воображаемых пространств. Восточная Пруссия – это земля, части которой исторически в разные периоды имели разные названия и разные значения не только для проживавших на ней немцев, но и для варяжков, мазуров, литовцев Пруссии, а также для жителей соседних государств – России, Польши и Литвы. В перспективе превращения одного географического пространства в свое в нескольких культурах и была предпринята попытка показать объект исследования на страницах данного сборника статей.

Приближаясь ко второму обстоятельству, содействовавшему появлению книги, следует отметить, что представляемая здесь тема в историографии не является новой и малоизученной. За последние несколько десятилетий в Польше, Германии, России и Литве был опубликован не один труд⁶, в котором рассматривались эти процессы, происходившие в Восточной Пруссии. Однако до сих пор это делалось изолированно, выясняя, «как было у нас» и не обращая достаточного внимания на то, как те же самые процессы происходили «у соседей». Данное издание как раз и является попыткой создать определенную основу для сравнительной перспективы, тем более, что первые попытки сделать это уже были⁷.

Основу сборника статей составляют три части, в которых осуществляется стремление раскрыть то же самое явление символического присвоения пространства в перспективах Калининградской области, Вармии и Мазурии и Клайпедского края. Явление исследуется в сравнительно широком ракурсе, охватывающем и такие области, как значения Восточной Пруссии в польской, литовской культуре и культуре России первой половины XX столетия, осуществление политических претензий, сформировавшихся на основе этих значений,

⁵ Основной труд: TRABA, R. „*Wschodniopruskość*”. *Tożsamość regionalna i narodowa w kulturze politycznej Niemiec*. Wyd. 3. Olsztyn, 2007. Перевод на немецкий язык: TRABA, R. *Ostpreußen – die Konstruktion einer deutscher Provinz. Eine Studie zur regionalen und nationalen Identität 1914–1933* (Klio in Polen, Bd. 12). Osnabrück, 2010.

⁶ К основным трудам такого рода относятся следующие: *Wokół niemieckiego dziedzictwa kulturowego na Ziemiach Zachodnich i Północnych* (Ziemia Zachodnie. Studia i Materiały, Nr. 18). Red. Z. MAZUR. Poznań, 1997; *Wspólne dziedzictwo? Ze studiów nad stosunkiem do spuścizny kulturowej na Ziemiach Zachodnich i Północnych*. Red. Z. MAZUR. Poznań, 2000; HOPPE, B. *Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970* (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd. 80). München, 2000; MATTHES, E. *Verbotene Erinnerung. Die Wiederentdeckung der ostpreußischen Geschichte und regionales Bewußtsein der russischen Bevölkerung im Gebiet Kaliningrad 1945–2001*. Bietigheim-Bissingen, 2002; КОСТЯШОВ, Ю. *Изгнание прусского духа: Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы* / МАТТЕС, Э. *Запрещённое воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001)*. Калининград, 2003; Masuren: *Trauma, Sehnsucht, leichtes Leben. Zur Gefühlswelt einer Landschaft*. Hrsg. von U. MAI. Berlin, 2005; *Ziemia Odzyskana/ Ziemia Zachodnie i Północne 1945–2005. 60 lat w granicach państwa polskiego* (Ziemia Zachodnie. Studia i Materiały, Nr. 23). Red. A. SAKSON. Poznań, 2006; BRODERSEN, P. *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde*. Göttingen, 2008; SAFRONOVAS, V. *Praeitis kaip konflikto šaltinis: Tapatybės ideologiją konkurencija XX amžiaus Klaipėdoje*. Vilnius, 2011.

⁷ Сравни: *Ostpreußen nach 1945* (Annaburger Annalen, 1999, Nr. 7); SAKSON, A. *Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań, 2011.

опровержение «немецкости» Восточной Пруссии, частично predetermined и связанное со стереотипическим отношением к немцам, характерным для послевоенного периода. Все же основное внимание уделяется причинам, необходимым условиям, процессу, стратегиям символического присвоения, которые проявлялись в трех городах – в Калининграде, Ольштыне и Клайпеде после Второй мировой войны. Повышенное внимание к городам неслучайно, поскольку именно города создают пространства интенсивной коммуникации и именно явления, происходящие в таких пространствах, позволяют лучше всего распознать процессы присвоения значений, отнесения себя к кому-то и отмежевания от кого-то, которые и составляют основу процесса символического присвоения пространств. Концентрация внимания на изменениях, которые происходили в Калининграде, Ольштыне и в Клайпеде, дополняет несколько опубликованных за последние годы в европейской историографии изданий о символическом присвоении пространств в городах⁸. Прежде всего, это выражается в том, что настоящий сборник статей направлен не на анализ примеров, находящихся в разных регионах Европы, а на анализ примеров, связанных с одним и тем же регионом – бывшей Восточной Пруссией. Похожий исторический опыт отрицания и присваивания значений в городах Восточной Пруссии после Второй мировой войны позволяет делать сравнения, определять типичное и специфичное, характерное для конкретного региона. Однако такое сравнение было бы невозможно без контекстов (смотри статьи Феликса Акерманна и Альвидаса Никжентайтиса в заключительной главе книги), которые, в конце концов, и позволяют ответить на вопрос, было ли явление присвоения пространств в Восточной Пруссии каким-то исключением в региональном контексте.

* * *

Часть статей для настоящего сборника подготовлена на основе научного семинара «Присвоение пространств в Восточной Пруссии», который проходил в мае 2010 г. в Клайпедском университете. При составлении сборника большое внимание уделялось языковому аспекту – статьи публикуются на литовском и русском языках, с широкими резюме соответственно на русском или литовском языках и на английском языке. Такой выбор обосновывается недостатком литературы на данную тему, прежде всего, на литовском и русском языках. Существенный вклад в работу над текстами настоящего издания вложили переводчики: Лаймуте Сервайте (английский язык), Кристина Спринджюнайте (немецкий язык), Ирена Алексайте и Витурис Ярутис (польский язык). Научная редакция всех переводов осуществлена составителем книги. За помощь, оказанную в проведении семинара и подготовке данного издания, от имени Института истории и археологии Балтийского региона выражаю сердечную благодарность Центру Томаса Манна в Ниде (директор Лина Мотузене) и Польскому институту (*Instytut Polski*) в Вильнюсе (директор д-р Малгожата Каснер).

Василиус Сафроновас

⁸ *Die Aneignung fremder Vergangenheiten in Nordosteuropa am Beispiel plurikultureller Städte (20. Jahrhundert)* (Nordost-Archiv, Bd. XV / 2006). Hrsg. von Th. SERRIER. Lüneburg, 2007; *Villes baltiques. Une mémoire partagée* (Revue Germanique Internationale, 11/2010). Sous la dir. de M. ESPAGNE et Th. SERRIER. Paris, 2010.